

Российская Православная Церковь

СУЗДАЛЬСКИЙ ПАЛОМНИК

№ 8

Царьконстантиновский собор
г. Суздаль

1991 г.

«Сия есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17, 3).

Познание Бога, по словам Господа нашего Иисуса Христа, есть источник вечной жизни человека. Но такое понятие Богопознания будет иметь смысл только в том случае, когда оно будет не теоретически отвлеченным и не холодно-безжизненным, а живым делом человеческого ума и влечением его сердца. Богопознание должно быть неразрывно связано с духовной жизнью человека и являться бесконечно нравственным совершенствованием его по образу совершенства Отца Небесного.

Вопрос о познании частичном Боге является одним из самых важных вопросов христианского богословия. Для более ясного и живого Богопознания и убеждения, недостаточно еще обладать известными умственными способностями и одной рассудительностью. Для усвоения и понимания его нужно и другое, кроме умственной восприимчивости.

В деле частичного Богопознания преимущественным органом является не только разум человеческий, сколько его сердце, и от чистоты сердечной зависит ясность Богопознания и высота нравственной жизни. Если сердце чисто, то и Богопознание будет возвышенным; если же сердце огрубело, то нельзя от человека ждать уразумения религиозной истины.

Сам Христос учит, что только «блаженны чистии сердцем Бога узрят». А в другом месте Господь сказал, что Царство Божие внутри есть. Исходя из данных слов, Царство Божие начинается для человека еще на земле, в его сердце.

Одним из необходимейших условий в деле частичного Богопознания является вера. Святой апостол Павел решительно заявляет, что без веры угодить Богу невозможно, и чтобы вера человека была живой и принесла достойные плоды, она непременно должна сопровождаться добрыми делами, как и свидетельствует об этом святой апостол Иаков: «Вера без дел мертва есть».

Отсюда совершенно очевидно, что вера и добрые дела, как необходимые условия для частичного Богопознания, должны быть неразрывны и тесно связаны между собою в практической жизни и деятельности всякого человека.

Для познания Бога от человека требуется истинная духовная жизнь. Эту таинственную жизнь, то есть связь единения человека с Богом посредством любви, святой апостол и евангелист Иоанн Богослов изображает так: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем».

Если посредством веры человек вступает в тайны Божественной жизни, познает Бога и, побуждаясь к доброжелательной жизни по

заповедям Божиим, то посредством любви он уже вступает в заинтересованное единение с Богом, вводится в тайны Божественной жизни, в тайны жизни в Царстве Божиим.

Жить истинною жизнью — это значит жить жизнью Божественной. Истинность этого положения подтверждается многочисленными свидетельствами Слова Божия. Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов пишет: «Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас. Поэтому-то любовь есть непреложное средство для познания Бога. «Всякий любящий рожден от Бога и знает Бога, а кто не любит, тот не познал Бога, ибо Бог есть любовь».

ЕПИСКОП ВАЛЕНТИН

Богопознание стоит в прямой зависимости от нравственной чистоты. Чем чище человек от всякой скверны, чем выше его нравственная жизнь, тем ближе он к Богу, тем яснее и совершеннее будет его познание о Нем. Нравственная чистота и добрая жизнь, располагая человека к принятию Богооткровенной истины, делает его способным к его уразумению и в деле Богопознания имеет большое значение.

Человек, живущий по заповедям Божиим, еще на земле предвкушает вечную жизнь. А вечная жизнь имеет свое основание только в Боге. И кто во временной земной жизни раскрывает в себе начатки жизни вечной, тот имеет в них залог внутреннего уверения в бытии Совершителя вечной жизни. Аминь.

ЕПАРХИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

В СУЗДАЛЬ ПРИБЫВАЕТ НЕМАЛО ПАЛОМНИКОВ, БОГОМОЛЬЦЕВ СО ВСЕЙ России. В лоно РПСЦ принята община бывших катакомбных христиан во главе с монахиней Серафимой, прошедшей через смертный приговор за исповедание истинной Православной веры и отказ от декларации митрополита Сергия (впоследствии смертный приговор был заменен на длительное тюремное заключение).

Никто не уезжает из Суздаля без утешения, с каждым проводятся беседы духовенства, верующие получают литературу, хотя ее и не хватает на всех. В этой работе большая заслуга принадлежит архимандриту Феодору, который не жалеет сил и времени на это благородное, истинно пастырское дело.

Регистрация Устава Суздальского Епархиального Управления Министерством юстиции России — большая победа над теми, кто хотел бы навсегда оставить Российскую Церковь, отмечающую соглашательство с безбожниками, в положении «лишенцев», «катакомбников», людей без прав на существование. Но, несмотря на эту победу, регистрация Приходских Уставов РПСЦ в областных отделах юстиции еще наталкивается на упрямое сопротивление функционеров от идеологии марксизма-ленинизма, «вечно живого», которое хоть и умирает, но все равно «да здравствует». Здесь еще предстоит борьба.

Епархиальным Управлением была получена помощь из Германской Епархии РПЦЗ. Помощь распределена среди учащихся воскресной школы, направлена в детские сады, детские дома и дом престарелых, больницу г. Суздаля, раздавалась прихожанам Цареконстантиновского собора и Черниговско-Гефсиманского храма в пос. Санино Петушинского района Владимирской области, где настоятелем о. Арсений (Киселев). Учащиеся школы села Павловское Суздальского района получили подарки и 100 Евангелий, 2 Библии от Преосвященного Валентина во время его визита к школьникам.

Проводится работа по изучению обстановки в связи с возможностью открытия новых Приходов РПСЦ. В этой связи священником о. Андреем Осетровым совершено две командировки в Красноярский край, в лоно РПСЦ принято Енисейское казачье войско, образуются общины верующих в казачьих округах, традиционных центрах сибирского казачества. Происходит изменение общественного религиозного сознания в Новосибирской области. В г. Каинске (сов. назв. — Куйбышев) община храма Св. Иоанна Предтечи, возглавляемая настоятелем о. Олегом Стеняевым, несмотря на нападки властей и коммунистических сторонников Московского

патриархата, продолжает полнокровную приходскую жизнь. На словах призывая к миролюбию и терпимости, лидеры Московского патриархата на деле проявляют лютую ненависть к Приходам РПСЦ. При последней попытке захвата храма в Куйбышеве «начальником штаба» был Новосибирский епископ Софроний, и представители духовенства, приехавшие из Новосибирска со спальными принадлежностями, помогали ему при захвате. Впереди них шел отряд местной милиции с дубинками (18 человек). Кроме епископа Софрония, как нетрудно догадаться, тут присутствовали председатель городского совета, прокурор, начальник местного отдела КГБ, начальник милиции, вдохновлявшие и подбадривавшие нападающих. В момент захвата в храме было несколько верующих, которые, конечно, не смогли удержать столь «авторитетную» команду. Но вскоре стали собираться прихожане, и власти с дубинами сочли за благо покинуть территорию храма, а епископ Софроний со своими помощниками были выдворены за церковную ограду верующими. Во время «штурма» был осквернен алтарь — женщина, подполковник милиции Парёнкина, в форме ворвалась в алтарь и «подвергла обыску» Св. Престол. Такими и подобными им действиями безбожники лишь приближают собственное поражение, теряя последнее доверие у масс верующих.

В Новосибирском Академгородке Управляющим Делами РПСЦ Епископом Валентином заложен храм Св. Духа с приделами Св. Царя Мученика и всех Св. Новомучеников и Исповедников Российских и Св. Равноапостольного Царя Константина.

По Суздальскому радио ведутся передачи по истории Российской Церкви после 1917 года. По материалам этих передач планируется издание брошюры.

Конечно, если сравнить количество наших приходов с церковью Московской патриархии, то нас еще слишком немного. Но не в силе Бог, а в правде. В вопросах же Церковной правды, как показывает история, большинство не имеет решающего значения; нередки случаи, когда отстаивавшие Истину оставались не только в меньшинстве, но и в одиночестве. Нам же, милостию Божией, одиночество не грозит — при любых испытаниях наше молитвенное единство с Зарубежной частью Русской Церкви никто и ничто не нарушит.

Опыт Суздальского Епархиального Управления показывает, насколько важна в деле нашего духовного Возрождения правильная приходская жизнь, направляемая в русло истинного вероучения и православных традиций Епархиальным Управлением, под богомудрым руководством нашего Первоиерарха и председателя Архидиоцессуального Синода РПСЦ. И в этой полнокровной жизни наших приходов — залог здорового развития организма Российской Православной Церкви, выбравшей путь Истины и Свободы.

ИНТЕРВЬЮ ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО ВАЛЕНТИНА, ЕПИСКОПА СУЗДАЛЬСКОГО И ВЛАДИМИРСКОГО, СУЗДАЛЬСКОМУ РАДИО

передано 19 июня 1991 г.

ВОПРОС:

Ваше Преосвященство, не так давно я попытался найти хозяина Троицкого кладбища. И знаете, мне это не удалось сделать. Как Вы относитесь к Этому кладбищу?

ОТВЕТ:

Сохранение Троицкого кладбища, а в вернее — Боголюбского — этот вопрос в данное время актуален.

Сейчас все больше слышатся призывы к духовному возрождению, к реабилитации духовно-нравственных ценностей и традиций россиян. Большинство понимают и осознают, что подрублена под корень духовная связь поколений, лишенная традиций, понятий чести и долга, веры и надежды.

Надо сказать, что вопрос о сохранении кладбища мне приходилось дважды поднимать на Президиуме городского Совета, но оба раза встретился со стеной отчужденности и непонимания некоторых членов. Видимо, здесь над многими еще тяготеет материалистический взгляд на духовные ценности. Проблема сохранности кладбища — это уже духовная сторона, сторона чести и совести потомков.

Мы являемся живыми свидетелями того, как кладбища превращались в танцплощадки, парки, на их местах строились кинотеатры. В общем, потомки плясали и развлекались на костях своих праотцов и отцов. Когда мне приходится слышать от людей старшего поколения о бездуховности молодежи, ее грубом нраве, непочитании и неуважении старших, мне всегда приходит мысль, что во всем этом виноваты мы, ибо не научили относиться к этому по совести.

Сегодня наше кладбище превратилось в свалку мусора. Удивляет и тот факт, что потомки некогда богатого церковно-национальными традициями древнего города спокойно это созерцают.

Безусловно, не все жители города с этим смирились. Ко мне обращаются многие прихожане нашего Цареконстантиновского собора, мои избиратели, жители — с просьбой спасти и сохранить кладбище от поругания и осквернения.

Я как христианин, как житель этого города и как Епископ своей Церкви призываю обратить самое серьезное внимание на поднятый вопрос. Необходимо посмотреть трезвым умом, ведь и мы все не минем этого святого места. Наш священный долг — с благо-

дарной памятью вспомнить тех, кто жил в нашем городе, кто также радовался и скорбел, растил новое поколение, веря, что оно будет достойное.

ВОПРОС:

Владыка, с этим кладбищем связана история не только Суздаля, но и история России. Пожалуйста, несколько слов об этом. Давайте сделаем небольшой экскурс в историю, — несколько слов об истории кладбища.

ОТВЕТ:

Боголюбовско-Троицкое кладбище возникло во второй половине XVIII века. Однако, житель Суздаля, ныне покойный Владимир Михайлович Снегирев считал, что это кладбище было устроено раньше, этого же мнения придерживался и Алексей Дмитриевич Варганов.

Поскольку Суздаль делился на приходы, то прихожане храмов, расположенных на левом берегу Каменки обретали свой покой на Троицком-Боголюбовском кладбище, в отличие от прихожан храмов правобережья, обретавших последнее место упокоения на кладбище Знаменском или Всехсвятском.

В 1789 г. в центре кладбища был построен храм в честь иконы Боголюбивой с пятью приделами. Один из приделов был посвящен св. мученику Иоанну Воину.

В годы сталинской диктатуры храм был закрыт, а затем и совсем снесен. Все его весьма богатое и ценное убранство исчезло бесследно.

На этом кладбище находятся могилы военнопленных австрийцев времен Первой мировой войны. Во время Второй мировой войны был вырыт огромный котлован, туда по ночам привозили трупы умерших военнопленных, котлован этот постоянно заполнялся трупами, и с каждым разом над ним делали все новую и новую насыпь.

Сейчас многое осознано нами, прочувствовано, многое предано осуждению как неправильное и противоестественное действие по отношению к совести и чести народной.

В день празднования иконы Боголюбской, т.е. есть 1 июля мы намерены совершить Крестный ход к месту разрушенного храма, с тем, чтобы на том месте отслужить молебен и затем Великую панихиду о почивших на этом кладбище.

В связи с этим мне бы хотелось попросить всех суздалян принять участие в нашем шествии и тем самым засвидетельствовать свое уважение к тем усопшим, которые находятся на этом кладбище.

В память поколений русских людей это кладбище должно существовать, его нужно сохранить от разрушения и уничтожения,

облагородить безымянные могилы. Это не только гуманный акт, это христианский долг и долг каждого человека.

Убедительно прошу тех, от кого это зависит, навести порядок и запретить свалку мусора, благоустроить дорогу и решить вопрос об открытии этого кладбища. Если это будет выполнено, я обязуюсь построить на этом кладбище маленькую часовню в память наших соотечественников суждалян.

(Беседу вел Л. Л. Слесарев)

ГОЛОСА ИСПОВЕДНИКОВ

ПОСТРАДАВШИЕ ОТ СЛУГ САТАНИНСКИХ ЗА ВЕРУ ХРИСТОВУ

(воспоминания катакомбных христиан)
в тексте сохранены особенности языка оригинала

Болящий Никита

Болеет тридцать лет. Лежал не поднимаясь, ноги были скорчены. Лежа на груди выбивал из денежной монеты крестики, раздавал посетителям. Народу шло к нему множество. Когда начались колхозы, он возбранял входить в колхоз. Его забрали, арестовали и выслали в Вятскую губернию, в Слободской район. Когда повезли, его бросили в вагон, сломали ногу. Заперли в холодный амбар, заставляли идти в профсоюз, потом за отказ посадили в карцер. Он предсказал свою смерть. Написал своим сестрам: привезите смертную одежду, через две недели меня вышлют. Они приехали и поговорили с ним через окно три часа, и отнялась у него речь, и скончался. Это было в 30-х годах. Когда лежал дома, многие ходили к нему за советом, и все сбывалось так, как скажет. Уроженец Нижегородской губернии, Щаранский район.

Диакон отец Александр

Служил в Нижегородской области в селе Оштаншурга. Он имел дар прозорливости. Вначале юродствовал. Носил длинную до пят холстяную рубашку, примерно года три юродствовал. Епископ Яранский Нектарий Трезвинский его посетил и рукоположил в сан диакона. Епископ Нектарий скончался на Соловках в ссылке. Отец

диакон Александр был арестован в 30-х годах пред войной, сидел в Кировской (Вятской — ред.) тюрьме, был на пересыльном пункте в Яранской тюрьме. Его садили в котел в кипяток. Он вышел невредим и говорил: вода была только теплая. При жизни он много что предсказывал. Скончался в тюрьме в Кировской области.

(запись 1991 г. — ред. «Сузд. паломника»)

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

«Владимирские ведомости», 28 июня 1991 г. стр. 12.

КУЛЬТУРА РАЙОННОГО МАСШТАБА ПРОЩАЯСЬ С ПРОШЛЫМ

Корреспондент «ВВ» побывал недавно в Юрьев-Польском районе с целью посмотреть, что там делается в культурной жизни. Его наблюдения могут быть интересными для наших читателей.

ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ

«Вот боль моя. Полжизни она у меня отняла, наверное», — говорит директор Юрьев-Польского музея Татьяна Ивановна Калинина, указывая на деревянную церковь чуть в стороне от Михайло-Архангельского монастыря.

Как? Что такое? Оказывается, эта Покровская церковь середины XVIII века, перевезенная из села Чернокулова, избрана местом отдыха некоторых горожан. За годы директору музея удалось вычислить своеобразное «расписание». Днем в церкви развлекаются подростки, курят, по лесам лазают чуть не на крышу. К вечеру, после шести, приходят взрослые мужчины — посидеть, выпить и покурить, конечно. А уж ночью появляются молодые люди... Как бы помягче сказать? В общем, влюбленные, которые стеснены квартирными условиями. Без сигарет и открытого огня любовь нынче тоже не обходится. Поэтому и замирает сердце Татьяны Ивановны, когда ночью завоет вдруг пожарная сирена. «Все, горит Покровская».

Ни замки, ни гвозди — «сотки», которыми забивали двери, не помогают. Рвутся люди в памятник архитектуры. Как приметит Тать-

яна Ивановна очередную команду в церкви, спешит туда, по пути забежав за милиционером. Благо, РОВД как раз напротив. «Сколько кроватей железных оттуда вытащили, сколько хлама и мусора всякого...» и т. д...

Если уж только на выяснение «расписания», как признает автор статьи, ушли годы, естественно предположить, что на принятие каких-то охранных мер при такой «охране» памятника государством уйдут по меньшей мере десятилетия. Остается только надеяться, что «охрана» прекратится раньше, и в храм, наконец попадут те, для кого он строился — верующие люди России. А пока — болит сердце у Татьяны Ивановны. Жаль только, что не болит оно от кощунственного попрания веры своих предков. Хочется думать, что в Чернокулове, без «охраны», было бы лучше... (ред. «Сузд. паломника»).

БЕСЕДЫ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В РОССИИ ПОСЛЕ 1917 ГОДА

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

В предыдущих публикациях темы приводились цифры и факты, свидетельствующие о беспримерном разгуле насилия над Российской Церковью в первое десятилетие после «великого октября». И все же, сатанинская буря, унесшая сотни и сотни тысяч жизней, не смогла разложить внутреннее каноническое устройство Церкви. Ее иерархи, томившиеся в лагерях, тюрьмах и ссылках, все еще составляли единство, чреватое при первом же ослаблении кровавой бойни объявиться неповрежденной сердцевиной Церковного организма, вокруг которой быстро организуется Тело Церкви. Простое увеличение количества жертв становилось недостаточно эффективным, открытый разбой должен был замениться организованными, порою скрытыми формами, имеющими вид законности. Революции нужны были надежные, долговременные способы подавления.

Поголовное уничтожение, физическое истребление хотя и входило в задачу марксизма (особенно российских его воспреемников), но признавалось трудной задачей. Даже такие маньяки, как первый русский марксист Петр Никитич Ткачев, с огорчением вынуждены были констатировать, что для необходимого новому обществу истребления всех представителей российско-

го населения, старших 25-летнего возраста, у революции не останется сил сразу, и это придется делать на протяжении последующего, довольно длительного времени, вытесняя «отживших свой век носителей мелкобуржуазного мировоззрения и старого образа жизни» на малонаселенные, отдаленные и неудобные для проживания территории. Именно этим, из-за невозможности убить всех сразу, занялась новая «народная власть» после революции и гражданской войны. И чем крепче она становилась на ноги, тем масштабнее, вернее и «законнее» убивались миллионы соотечественников, приносимые в жертву идее изменения самой природы человека, т. е. откровенно богоборному, сатанинскому деланию. Естественный и главный враг этого — Святая Апостольская Церковь, живая свидетельница Боговоплощения в человеческом существе — должна была, по замыслу революции, уйти первой. То, что мы сегодня легкомысленно и привычно (с подачи Хрущева) называем сталинизмом — на самом деле было последовательным (как недавно писали в газетах, «поступательным») движением по пути, начертанному Марксом (см. его посмертно изданные «Рукописи 1840 г.»), т. е. подлинным марксизмом. Лишь разномысленные последователи, часто не способные охватить всю глубину и масштабность идеи, расходились в сроках и способах массовых убийств.

Предпринятые в первые же послереволюционные годы меры законодательного характера окончательно отняли у Церкви юридическое право на существование. Был создан специальный Пятый отдел Наркомюста по проведению в жизнь антицерковной политики правительства. Отдел назывался «ликвидационным». Им руководил ярый враг Церкви Красиков. Церковнослужители, как имеющие «нетрудовой заработок» и занимающиеся «непроизводительным трудом», лишались гражданских прав.

И все же — репрессии и убийства не могли сломить свободный дух Церкви, знавшей немало свидетелей Христовых — мучеников и исповедников. Церковь по-прежнему звала человека к подлинной жизни, к вечному спасению души, к неприятию зла, ненависти, человекоубийства — всего того, что новая власть прикрывала лозунгами братства, равенства, счастья всех людей. И приходившие в Церкви — спасались, несмотря ни на какие гонения, ведь «Дух дышит, где хочет».

Св. Патриарх Тихон, незадолго до своей кончины, с ужасом убеждаясь, что предел «политических» требований большевистской власти лежит за пределом верности Христу, высказал мысль, что единственным способом для Церкви сохранить верность Христу — будет в ближайшем будущем уход в катакомбы, т. е. переход на нелегальное, тайное существование.

29 июля 1927 г. митрополит Сергей Страгородский опубликовал

свою «декларацию» о признании большевиков. На фоне обвинений «зарубежных врагов народа» в бедствиях Церкви и красноречивого молчания о сотрудничестве с тайной полицией и вмешательстве большевиков в управление Церковью, в «декларации» говорилось:

«...Выразим всенародно нашу благодарность Советскому правительству за... внимание к духовным нуждам Православного населения, а вместе с тем заверим Правительство, что не употребим во зло оказанного нам доверия».

Суть этого документа сводилась к тому, что радости безбожных убийц и гонителей объявлялись радостями самой Церкви.

Большинство приходов, получив «декларацию», отсылали ее обратно митрополиту Сергию. Кроме самого автора, под «декларацией» подписались только восемь архиереев. Несогласных чекисты хватили как «контрреволюционеров» и отправляли на уничтожение. Массовые гонения на несогласных с митрополитом Сергием, начавшиеся с 1927 г. не поддаются описанию. Этот период, великого предательства, совершившегося в недрах Церкви, дал целый сонм Новых Мучеников... Настоятеля храма в селе Дацке Киевской губернии протирея о. Николая Джозовского за непризнание митрополита Сергия арестовали, и по дороге, в лесу, зверски замучали его: отрезали пальцы, выдергивали волосы из головы, кололи и резали и потом расстреляли... Архиепископ Иларий (Троицкий), скончавшийся в Петроградской пересыльной тюрьме, говорил об отношении большевиков к Церкви:

«Надо побыть в этой обстановке хотя немного, а так не опишешь. Это, вочью, сам сатана».

Все новые назначения и перемещения епископов шли теперь через ГПУ, Церковь почти полностью подпала под власть безбожников. То, чего не смогли добиться через обновленцев, было достигнуто благодаря митрополиту Сергию. Безбожники торжествовали.

Истинной Церкви не оставалось иного выхода, как уйти в катакомбы. Не имея в первые годы своего существования ни организации, ни четкой структуры, Катакомбная Церковь объединилась именами Св. Патриарха Тихона и Митрополита Петра, Патриаршего Местоблюстителя, томившегося в сибирской ссылке. Первый катакомбный Епископ Максим Серпуховской в 1928 г. был арестован, сослан в Соловецкий концлагерь и в 1930 г. расстрелян. В Соловецком, Свирском, Беломорско-Балтийском, сибирских концлагерях с 1928 г. стало совершаться много тайных хиротоний епископов и духовенства. Имена и местопребывание своих духовных водителей Катакомбная Церковь стала хранить в строгой тайне. Произошел окончательный и до сего времени неизжитый раскол Церкви.

Как сам митрополит Сергей так и его защитники, в том числе из нынешней Московской патриархии, пытаются оправдать «декларацию» о лояльности безбожным гонителям желанием спасти Церковь от гибели. Однако это — лишь прикрытия для нечистой совести.

«Для вселенской православной мысли уже ясно, что все мы спасаемся в Церкви и Церковью, но не спасаем Церковь, — пишет об этом оправдании Первоиерарх Российской Православной Церкви, Председатель Архиерейского Синода РПЦЗ, Митрополит Виталий, — Никто и никогда из всех святых Отцов не выразил такую нелепую мысль, граничащую с невежеством в области самого догмата о Церкви. Господь наш Иисус Христос есть единый Спаситель Церкви, как Ея Глава, и только он Един и никто никогда кто другой. А последние события в России нам показали, что вожди Московской патриархии не сумели или сами не захотели воспользоваться гласностью и перестройкой, промыслительно данной им этой отдушиной, и тем окончательно убедили всех в их безнадежной закостенелости и в их состоянии глубочайшего рабства партии. Будем же мы, наконец, откровенными и говорить правду в лицо».

Лукавство и цинизм «декларации», по мнению исследователей, заключают в себе, кроме оправдания собственной слабости ее автора и желания спасти себя самого, еще два аспекта:

- первый — отречение от Новомучеников, свидетельствовавших об антихристовой сущности большевизма. Митрополит Сергей кощунственно и богохульно объявил их не Мучениками, а «политическими преступниками»;
- и второй — «декларация», как юридический документ, открывает и предваряет собой знаменитые судебные процессы, на которых подсудимые публично оговаривали себя, «признаваясь» в фантастических преступлениях и не существовавших злодеяниях.

И это — не простая последовательность событий во времени, но развитие обширного сатанинского замысла, одна из существенных его частей.

Доказательством последовательности человеконенавистнической идеи истребления и изменения человеческой природы, последовательности действий приверженцев этой сатанинской идеи являются события истории советского периода, примыкающие ко времени «декларации»: начавшаяся в 1928—30 годах принудительная коллективизация, завершившаяся разгром сельских приходских общин, и — неслыханное еще в мировой истории организованное и планомерное уничтожение художественных, исторических и архитектурных ценностей, в первую очередь — православных храмов и их убранства.

Впереди были погромы «Союза воинствующих безбожников» — штаба военных действий против верующих и религиозной культуры, «безбожная пятилетка» и закрытие «по просьбам трудящихся» всех храмов России.

Об этом — в последующих беседах.

(Материал подготовил священник Андрей Осетров)

ДНИ, КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ МОСКОВСКУЮ ПАТРИАРХИЮ

Суздальская хроника

(Окончание, начало в №№ 1, 2, 3, 6)

...Владыка снова укрылся в многолюдной столице, — там, поближе к Кремлю и Лубянке, ему явно удобней.

5

Весть о Владимирском «сражении» архиерея с бабушками быстро разносилась по Суздалью, обрастая, как это всегда бывает, слухами и прибавлениями. Среди представителей власти неведомо откуда появилась версия, что «на соединение к суздальским бунтовщикам идут колонны верующих Ярославля (а может быть, и Ленинграда)». К этому добавились разговоры, что на празднике «русской зимы», который отцы города устраивают ежегодно 25 декабря, в расчете на иностранцев, — на площади у Торговых рядов сожгут чучело не «зимы», как обычно, а владимирского архиерея или даже (о ужас!) — уполномоченного по делам религий. Как видно, самая мысль о возможности такой акции была кое-кому невыносима, и 25-го утром спецслужбы решили «нанести превентивный удар».

Около 11 часов утра, когда народ после службы уже разошелся по домам, в церковную ограду решительно вошли несколько молодых людей в штатском с быстрыми движениями и взглядами. Можно догадываться, что в их намерения входил захват экстремистов вместе с ужасными чучелами.

Два молодца — один в одну сторону, другой в другую — быстро обожали храм кругом, заглядывая за колонны и в подсобки, как собака в кувшин. Двое других осторожно вошли в храм, а

через минуту, убедившись, что стрельбы и пламени нет, вошли остальные «коллеги». Один из вошедших мигом изучил доску объявлений и все бумажки, приколотые у свечных ящиков. Не встретив призывов к вооруженному восстанию и грабежу, он озадаченно уставился на запертые и опечатанные двери основного храма, за которыми, в принципе, могло скрываться немало ящиков с динамитом и канистр с горючим.

— А что это у вас за объявления? — спросил у служащих храма другой, судя по всему — главный. Он пытался сообразить, что значат опасные слова на бланках: «ваша телеграмма Горбачеву вручена», «ваша телеграмма патриархии вручена», «председателю облисполкома вручена»...

Ему подсказали, что это — уведомления на телеграммы, которые посланы верующими.

— А зачем вы их вывешиваете?

— А чтобы люди видели, как хорошо работает почта!

Немного помявшись, «дядя» спросил:

— А что... молодежь не хулиганит?

— Да кому ж тут хулиганить, здесь верующие, а не хулиганы.

— Вопросов к милиции нет? — с явной досадой, формально оканчивая разговор спросил он.

— А какие вопросы, милиция в Суздале своя есть. А вы откуда?

— Из Владимира, — поспешил ответить другой, хотя по ним видно было, что, пожалуй, и не из Владимира.

Разочарованные, ушли. Оказалась, это была «группа захвата». Приятный знак внимания и заботы со стороны властей предрешающих.

27 декабря поехал нарочный в Москву — в Синод и Совет по делам религий СССР, с новыми письмами.

Очередной коридорный патриархии сказал:

— А вам ответа и не будет. Ответ будет начальству, — и прибавил от своего коридорного разума что-то насчет «неформалов» и телеграмм «хулиганского содержания».

Совет по делам религий, державший «в производстве» суздальское «дело» в лице чиновника (кажется, Шусина) махал руками, перемежая слова нечленораздельными звуками и замечательной мыслью о церковном послушании.

— Анархия! Неформалы! Униаты! Везде митинги! Сто человек хотят открыть на Украине Церковь!.. М-мы!.. Б-бу!.. — и маханье рук, выкатывание глаз. Затем, вежливо:

— Вот, пожалуйста, сюда можно выйти, — показывает на дверь.

7 января в Рождество Христово, в церковной ограде — митинг в защиту суздальского духовенства. Выступающие называют подлинными виновниками гонений на священников уполномоченного, КГБ и местную власть. Среди незваных гостей — местная и областная власть, уполномоченный, милиция, где-то тут же, наверняка, КГБ. Как записано в дневнике храма: «У них лица были серые». Митинг снимает группа тележурналистов передачи «Пятое колесо». После, уже в городе встретив уполномоченного среди прохожих, одна пожилая прихожанка встала перед ним на колени и умоляюще сказала: «Миленький, как ты нам надоел! Когда же будет покой?» Уполномоченный скрылся.

Было отчего загрустить начальству. Ровно месяц утром и вечером под колокольный трезвон — каждодневные Крестные ходы вокруг церковной ограды. Письма, телеграммы, звонки во все инстанции, публикации в прессе, в том числе за рубежом, теперь еще остронаправленная против всех негодяев передача «Пятое колесо».

От приколотых к перегородкам свечного ящика уведомлений на телеграммы перегородки стали чешуйчато-белыми, и как крылышки бабочек, вспархивали каждый раз при открывании дверей — и снова опадали, тревожа совесть входящих и исходящих. И это порхание, казалось, укрепляет в мысли, что бежать надо от этой Московской патриархии, смертно повязанной с уполномоченными и советами, со всеми наполняющими наши учреждения капээсэсовцами и знатоками «послушания» во славу серпа и молота, — бежать навсегда без оглядки, как можно скорее и дальше.

На Владимирского архиепископа, как видно, все сильнее давили, ставя вопрос ребром: «Или они — или ты!». Со свойственным им цинизмом и презрением к «черни» функционеры от идеологии и представить себе не могли, что можно пойти хоть на какие-то уступки верующему народу, ведь это был бы крах системы рабства. Сжавшись до предела, ждали партийной команды заржавленные пружины канцелярского механизма сергианствующей, поработанной безбожниками Московской патриархии — это ощутимо чувствовалось во всем. В дни Святков терпение сторон истощилось, надо было что-то делать, и архиепископ Валентин Мишук со свойственной ему бездумностью уволил за штат все оставшееся духовенство нашего храма накануне Праздника Крещения. 18-го января в Суздаль приехал «служить» нецветаевский зять о. Анатолий Фесечко. Верующие отправили его с Богом домой. Ночью на реке Каменке, по местной традиции — возле Богоявленского храма, в проруби освящали воду. Духовенство и все церковные педи, а люди плакали.

Вспышки народного недовольства все-таки опасались и вели

сложные закулисные переговоры. Председатель Суздальского горисполкома А. И. Маркин после всех консультаций клятвенно заверил, что на Крещение разрешат служить нашему священнику. Утром 18-го в горисполком пришла удивительная телеграмма от Совета по делам религий РСФСР. В ней было сказано, что означенный Совет разрешает священнику Нончину (о. Ирнарху) служить в праздник Крещения, не ожидая решения Синода. Сияющий Маркин подтвердил, что они берут все на себя — от советской власти разрешение есть, пусть о. Ирнарх служит.

Однако, для священника, как известно, нужен указ архиерея, а не «разрешение советской власти». Такого не оказалось, что наводило на мысль о простой провокации: послужи, а там мы тебя запретим за самоуправство. Маркин обещал, что он «по своим каналам» сделает все, чтобы указ был, а о. Ирнарх пусть служит.

Но ни 18-го, ни наутро 19-го никаких сведений об указе или хотя бы устном расоряжении архиерея или Синода не поступило. И архиерей, и «синодалы» чудесным образом «исчезли», всюду отвечали, что никого нет и нельзя найти.

Так и не дождавшись службы в Крещение, народ с хоругвиями, иконами и плакатами отправился в горисполком. На подходе к зданию запели сначала тропари и молитвы, а потом — дружно — канту «Господи помилуй, Господи прости, помоги мне Боже Крест мой донести...» Изумленные работники дома советов открывали двери кабинетов и, потеряв дар речи, стояли и смотрели, как шествие двигалось по коридору к залу заседаний, который как раз оказался полон народных депутатов. С верхнего этажа здания и со стороны райкома КПСС бежали любопытные совслужащие посмотреть, а инструктор райкома, расставив руки, не пускал смотреть! Маляры и штукатуры, случившиеся тут же при своих работах, побросали кисти и терки и сбежались на невиданное зрелище...

Пение докатилось до зала заседаний, оратор умолк, прислушиваясь, все повернули головы к дверям. Наконец наиболее ответственные товарищи не выдержали и повскакали с мест. Предисполкома Маркин требовал вызвать милицию, но представители РОВД не спешили выполнять столь решительное указание, предпочитая не выходить из зала.

Маркин выступил навстречу верующим, уверяя, что он все понимает. Пение сменилось негодующими возгласами, верующие последовали за Маркиным в просторный холл здания, где он еще раз рассказал, что он сделал все от него зависящее и что сейчас будет еще звонить, чтобы разрешили служить нашему священнику. Выразив недоверие, народ покинул здание, а на следующий день вокруг храма носили плакат: «Из-за самодурства архиепис-

копа Валентина Мищука в Суздале впервые за тысячу лет не было Крещенской службы и великого водоосвящения». В тот же день поймали четырех гебистов и сдали в милицию.¹

26 января состоялось заседание Синода по Суздальскому вопросу. Более 20-ти суздальян мерзли у железных ворот Синода на Чистом переулке в Москве — их даже не пустили погреться за все восемь часов заседания. Напоследок прочли издевательское «решение»: прислать в Суздаль двух монахов из Троице-Сергиевой лавры. Как будто не было двух месяцев слез и просьбы!

— Если не подчинитесь, — пояснил «посредник» между Синодом и народом архиепископ Зарайский (ныне Алма-Атинский) Алексей, — то становитесь беспоповцами, тихоновцами или кем хотите, но только не Русской Православной Церковью.

Намерзшиеся, оскробленные в лучших чувствах суздальяне дружно ответили:

— Хорошо, тогда мы обратимся к Русской Православной Церкви за границей!

Это заявление повергло патриархийных служителей в легкий шок. На это они не смогли сказать ничего.

Аналогичное заявление было незамедлительно сделано Совету по делам религий СССР (принимал суздальян зав. отделом Шарипов), там тоже призадумались. Суздаль выходил из чекагебистской партийно-патриархией «советской церкви» с ее марионеточными архиереями, стукачами и покровителями от идеологии.

Почувствовав, что дело принимает нешуточный оборот, «советское православие» предприняло последнюю аферу с целью потянуть время и обмануть верующих, снять напряжение противостояния. 3 февраля в Цареконстантиновский храм г. Суздаля прибыли «высокие гости»: председатель Совета по делам религий РСФСР Л. Ф. Колесников, управляющий ХОЗУ Моск. патриархии Архиепископ Алексей, секретарь облисполкома Е. И. Захаров, уполномоченный по делам религии А. И. Шibaев и «другие официальные лица». Само собой, милиция, КГБ, охрана. С приехавшими попробовал войти в храм референт владимирского архиерея, но бабушки опознали в нем одного из тех, кто крутил им руки у собора 19 декабря 1989 г. — и не пустили.

Архиепископ Алексей начал с сообщения, что он привез с собой «двух нейтральных священников». Верующие категорически заявили, что им лучше и остаться «на нейтральной полосе» и в

¹ ПРИМЕЧАНИЕ: Они наблюдали за храмом из автомобиля (голубые «Жигули» № В 89—74 ВЛ). Их стали фотографировать со вспышкой, они не выдержали и кинулись ловить фотографа. Но не тут-то было. Быстро вызвали милицию, которая и выяснила, что это — работники обл. отдела КГБ.

храм не входить. Архиепископ Алексей попросил прощения у собравшихся за поведение владимирского архиерея и его людей 19 декабря, при этом он поклонился народу. Это произвело впечатление. Был отслужен им же молебен, а когда архиепископ Алексей выходил из алтаря, вся церковь молча стояла на коленях. Это был последний порыв верующего народа усостыжить иерархов Московской патриархии и помириться. Архиепископ обещал помощь. Вскоре выяснилось, что его доклад Синоду о положении в Суздале имел крайне негативный характер, ни о какой помощи не было и речи.

В феврале было отправлено разными путями за границу несколько экземпляров прошений к Синоду Зарубежной Церкви, Первоиерарху Митрополиту Виталию. В письмах излагались события и просьба принять приход г. Суздаля под омофор Русской Православной Церкви Заграницей.

20 марта состоялся еще один «синедрион» — очередное заседание Синода Московской патриархии, на котором все члены Священного Синода уговаривали архимандрита Валентина совершить иудино дело — отказаться, письменно отречься от своих прихожан, как от неформалов и хулиганов. Архимандрит Валентин покинул соборнище. Произошел окончательный разрыв Суздаля с сергианами.

7 апреля 1990 г., на праздник Благовещения архимандрит Валентин уже служил в нашем храме клириком Русской Православной Церкви Заграницей — достойной продолжательницы дореволюционной Российской Церкви, никогда ни от кого не отделявшейся, хранящей чистоту и святость Православия. В тот день мы были самыми счастливыми, ибо почувствовали — что такое благодать Божия. Мы были первым приходом, первым островком Российской Православной Свободной Церкви, вернувшейся на Родину из 73-летнего изгнания. Ради этого стоило жить!

СУЗДАЛЬ

(Продолжение, начало в № 7)

Два года спустя Юрий Долгорукий снова уходит воевать князя Изяслава и снова овладевает Киевом, но закрепить его за собою и своими сыновьями опять-таки не смог. Не успел.

Главная причина его неудач, видимо, таилась в том, что его

не поддерживали широкие слои местного населения. Он не верил в силу народной стихии, как верил его отец, и эта стихия ответила ему тем же недоверием. По летописным свидетельствам он и умер не своей смертью, а был якобы отравлен во время пира у боярина Петрила.

Так погоня за многим привела, по сути дела, к потере всего. Печальный исход всех предприятий отца острее всего предчувствовал его сын Андрей. Уроженец Ростово-Суздальских земель, он без особого энтузиазма глядел на перспективу княжения отца в Киеве и все чаще подумывал о возвращении на родную землю. И хотя в 1152 г. отец поставил его на княжение в Вышгороде, под Киевом, Андрей, в нарушение отчей воли, в 1155 г. ушел в Ростово-Суздальский край.

Поселился князь Андрей не в Суздале, где его свободу несомненно связывала бы боярская верхушка, а во Владимире, где сохранились его старые и надежные связи. Умный, решительный и глубоко религиозный человек, князь Андрей Юрьевич, прозванный в народе Боголюбским, был в известной мере противоположностью своего отца. То есть, конечные цели его безусловно оставались все теми же. Он так же, как и отец, свою главную задачу видел в максимальном укреплении княжеского господства, а единственной возможностью такого укрепления считал самое широкое утверждение своего влияния на большинство княжеств и земель Киевской Руси. Видимо, иным его представление и не могло быть. Все-таки он был детищем своего времени и прямым наследником потомственных властителей.

Однако, он совсем по-иному понимал назначение или логический смысл своего господства. Именно в этом понимании он был противоположностью своего отца и стоял гораздо ближе к идейным позициям деда — Владимира Мономаха. Если его отец, то есть, князь Юрий Долгорукий, — весь смысл своего господства сводил главным образом к личному могуществу, к беспрепятственному торжеству своей воли и своих убеждений, то Андрей Боголюбский силу и мощь своего господства рассматривал как залог всеобщего благоденствия. То есть, там, где его отец усматривал лишь неограниченное право, Андрей Боголюбский чувствовал еще и свой сословный долг перед своим народом. Потому-то он, как и Владимир Мономах, ратовал именно за объединение всех сил Руси как под единым скипетром, так и под единым национальным знаменем. Но и скипетр, и знамя, по его убеждению, должны быть найдены в руках сильного и разумного правителя, каким он и стремился стать.

Разумность господства, по убеждению Андрея Боголюбского, должна проявляться прежде всего в равном внимании ко всем подданным, к их надеждам и чаяниям, потому что их общая мощь

государства лишь в том случае может быть обеспечена, если каждый его гражданин по собственной воле внесет в нее свою посильную лепту. А для этого необходимо, чтобы каждый не считал себя обойденным или преднамеренно обиженным.

Такое отношение, конечно, вовсе не означало социально-экономического равноправия, но оно не допускало и межсословного своеволия и уже тем было прогрессивно.

Во всех своих начинаниях Андрей Боголюбский опирался не на аристократическую боярскую верхушку, как иногда его отец, а на свою преданную дружину, да на Владимиро-Суздальских и Ростовских горожан. Поддерживал также добрые отношения с торгово-ремесленным людом. Его демократизм брал свое начало из твердого убеждения, что именно эта общественная прослойка может быть наиболее надежной, поскольку она, не в пример боярству, никогда не станет соперничать в стремлении к господству. Но для этого не следует допускать недовольства в ее среде.

Когда в 1157 г. пришло сообщение о смерти отца, Андрей Боголюбский объявил себя князем всего Ростово-Суздальского края и перенес столицу во Владимир. Этот шаг был сделан также в нарушение воли отца, завещавшего Ростово-Суздальский край своим младшим сыновьям. Но князь Андрей Боголюбский, как и тогда в Вышгороде, не посчитался с волей покойного отца. У него была своя цель, и он был глубоко убежден в исторической справедливости своих намерений: «Чего хочу — Богом надоумлено».

Он широко развернул работы по расширению и укреплению новой столицы, намеревался превратить Владимир в новый политический и религиозный центр всея Руси.

Любопытно отметить, что и здесь он пошел не по стопам отца, мечтавшего стать киевским властелином, а по стопам деда. Ведь город Владимир, как известно, был основан в 1108 г. Владимиром Мономахом. При Андрее Боголюбском здесь был построен каменный Кремль, или, как его тогда называли, — Детинец, возведен величественный Успенский собор, несколько храмов и множество других сооружений из белого камня. Город быстро обрастал слободами. Ощутимо умножилось торгово-ремесленное население, активно поддерживавшее князя в его борьбе с боярской знатью. А верстах девяти от Владимира, в живописном устье реки Нерль, выросла каменная крепость и роскошный замок — резиденция князя Андрея — Боголюбово.

Энергичная деятельность князя Андрея Боголюбского была, конечно, не по душе его братьям, жаждавшим вернуть свое наследство. Однако им было нечего противопоставить этой деятельности. Рассчитывать на поддержку горожан, естественно, не приходилось. Авторитет брата был слишком высок и прочен. К тому же Андрей Боголюбский пользовался беспорным расположением

всего местного духовенства. Ни к чему не привели и все тайные козни. Они без особого труда были разоблачены и в 1162 г. Андрей Боголюбский выслал из Ростово-Суздальских земель обоих своих братьев — Михаила и Всеволода — и двух племянников Ростиславичей с множеством преданных им бояр, старых приверженцев покойного отца. Вместе с ними уехала и мать Андрея Боголюбского.

Нередко высказывается мнение, что с утратой своего административно-политического значения, Суздаль превратился в заурядный городок провинциального значения. Однако, такое мнение ошибочно. Произошло все как раз наоборот — только с утратой административно-политического значения, Суздаль как бы освободился от многолетней дремоты и вдруг пробудился к новой и весьма одухотворенной жизни. События развернулись таким образом, что Суздаль просто не успел стать заурядным городом, конечно, в том смысле, в каком вообще принято говорить о заурядности.

Перенеся столицу во Владимир, Андрей Боголюбский не оставил Суздаль без своего внимания. Напротив, все говорит о том, что внимание к нему даже усилилось. К такому выводу приводит все, что происходило здесь уже в 1156 г. Весною, по указанию князя, в город прибыло большое количество мастеров строительного дела, а также — множество маляров-живописцев, чеканщиков и даже ювелиров. В Суздале развернулось широкое строительство.

Посадские люди создавали немеркнущую красоту суздальских храмов, роскошных палат, да монументально-величественных монастырей. Для создания шедевров подлинного искусства нужен был дар Божий и высочайшее профессиональное мастерство. То есть, нужны были искусные специалисты и талантливые умельцы. Их ни Владимир, ни Суздаль поставлять в нужном количестве, конечно, не могли, и поэтому их приходилось привозить сюда издалека, отбирая буквально по одному в ближних и дальних селениях всего княжества, а то так — и из соседних земель, по договоренностям с их владыками или посадскими управителями и выплачивая за то немалую дань.

Поощряя преданность своей дружины, князь Андрей Боголюбский стал практиковать дарственную раздачу земель в условное владение тем, кого он считал нужным отличить за верную службу. Так появилась особая прослойка заслуженных дружинников — так называемые «милостниками» или дворяне. Землями обильно наделялись монастыри, чем очень ощутимо укреплялись их экономические возможности. Все это, увеличивало авторитет Андрея Боголюбского и усиливало преданность подданных ему ратников, а также духовенства. Милостники и монастырские игумены всячески помогали князю в его строительных заботах, от-

бирая в подвластных селах наиболее талантливых мастеров. Из них и комплектовались профессиональные артели каменщиков да плотников, штукатуров да кровельщиков, столяров да резчиков по дереву и камню, то есть, всех, кто был необходим для городского строительства. Огромное количество их собиралось в нужное место, когда наступала строительная пора, жили артельщики в монастырях, а если в монастырских помещениях не оказывалось места, поселялись в землянках временного типа, наспех выкопанных невдалеке от строительной площадки и покрытых лишь деревянными плитами поверх настила из фашичника.

Нередко среди этих артельщиков обнаруживались люди, обладавшие особым даром творческого воображения. Они-то и становились первыми русскими зодчими Владимиро-Суздальской земли. Опираясь на опыт своих предшественников, таких же в недавнем прошлом крестьян — умельцев, работавших еще при жизни князя Юрия Долгорукого, они своим творчеством, совершенно подсознательно, хотя и вполне заинтересованно создали особую школу белокаменного строительства, слава которой впоследствии разошлась далеко за пределы Владимиро-Суздальской земли.

Но здесь же следует отметить, что всеми дарами и творческими возможностями этой безымянной школы Андрею Боголюбскому воспользоваться не удалось. Видимо, недруги князя из числа боярских вельмож и их ближайших единомышленников хорошо понимали его стремление превратить Владимира в новую первопрестольную столицу Руси. Перспектива все усиливающегося авторитета «самовластца» их пугала, ибо ограничивала их собственную независимость, что по их убеждению ничего хорошего не сулило.

А меж тем князь, видимо и сам того не подозревал, объективно способствовал нарастанию подобных сомнений. Дарственной раздачей земель своим приближенным он, конечно, усиливал недовольство боярской верхушки. Известную роль сыграл также и неудачный поход на юг, против князей Ростиславичей, некогда высланных Андреем Боголюбским из Владимиро-Суздальских земель, но не протививших ему его вероломства. И в 1174 г. князь Андрей Боголюбский пал жертвою боярского заговора, так и не завершив задуманного.

Смерть Андрея Боголюбского послужила толчком для крестьянского восстания. То, чем князь Андрей укреплял силу и авторитет своего имени, одновременно усиливало и феодальную зависимость сельского населения, увеличивая его эксплуатацию. Подспудно недовольство крестьянских масс росло из года в год, а после смерти властелина получило свой выход наружу. В течение пяти дней буйствовала народная стихия, выражая свой давний гнев. Крестьяне не только избивали ставленников дворянства, но и самих дворян, и княжеских людей, — разбивали и жгли

их дома, громили и грабили их дворы. Не пощадили Боголюбскую резиденцию самого князя, разграбив в ней все, что удалось обнаружить.

Со смертью князя Андрея, однако, не умерло начатое им дело по возвышению Владимиро-Суздальского княжества. Способность русских людей проводить строгую линию различия между Божеским и человеческим в данной ситуации проявила себя с особой силой. Все, что шло от личных, эгоистических вождедений князя и выражало его человеческую сущность, нашло свое осуждение в стихийном гневном восставшем народе. Но его деятельность, направленная на объединение русских земель, его забота о торжестве православия, ставшей духовной сущностью народа, воспринималась как дело Божие и потому получало самую широкую поддержку и после его смерти.

Сразу после гибели князя Андрея началась обычная в таких случаях борьба за дальнейшее господство. Претендентов на княжеский престол было несколько, но ни один из них не получил достаточной поддержки горожан. Поэтому победителями оказались возвратившиеся из Константинополя родные братья князя Андрея Боголюбского Михаил и Всеволод. Еще до своего изгнания, ведя тайную и очень сложную борьбу с братом за наследство, завещенное отцом, они довольно откровенно, хотя и безуспешно, заигрывали с горожанами как Владимира, так и Суздаля. Но тогда, они были для горожан не более как стяжателями личного благополучия. Терпящей стороной все же представлялся умный и праведный обладатель престола. Поэтому все заигрывания не дали необходимого результата. Но теперь братья явились как претерпевшие злую участь мученики и как законные престолонаследники. Поэтому им и было отдано предпочтение.

Преемником князя Андрея стал Михаил. Всеволод, как более практичный и более дальновидный, во всем помогал брату, оставаясь при нем в положении самого близкого и доверенного советника. Однако Михаилу не довелось покняжить слишком долго. Его жизни хватило не более чем на полтора года. И сразу же после его смерти, последовавшей в 1176 г. Владимирский престол занял Всеволод, получивший в народе за свою многодетность прозвище Большое гнездо (у князя Всеволода было восемь сыновей и четыре дочери).

Искусный политик и тонкий дипломат, князь Всеволод очень умело использовал оставленное братом наследство и во многом вполне сознательно продолжил его политическую линию, придав особое внимание возвышению княжеской власти и объединению русских земель под ее скипетром. Вскоре он становится самым могущественным властелином из всех, кого знала русская история до него. Без особых усилий князь Всеволод подчинил своей

воле боярство, до предела ослабленное междуусобной борьбой. И уже через год после принятия престола, то есть в 1177 г. нанес сокрушительное поражение рязанским князьям. А за все тридцать пять лет своего успешного княжения не только предельно усилил свое княжество, но и значительно расширил его на много раздвинув его восточные границы и полностью подчинил своему влиянию первопрестольный град Киев.

Это были десятилетия небывалого расцвета русской национальной культуры и искусства. Усилилось и улучшилось монастырское летописание, появились первые произведения мирской, или как ее принято называть, — светской литературы и наивысшего уровня достиг расцвет русской архитектуры, лучшим созданием которой принято считать Дмитриевский собор во Владимире. Прекраснейшие памятники архитектурного искусства в эти годы были созданы также и в Суздале.

Было бы однако глубоко ошибочно полагать, что столь стремительный взлет творческого гения нашего народа явился результатом только личных качеств князя Всеволода Большое гнездо, проявившихся в период его княжения, и что сам князь поэтому оказался каким-то вдохновителем или вдохновляющим началом, определившим этот взлет.

Процесс становления великорусской народности и российской государственности — с одной стороны, и генеалогическая линия княжения на Ростово-Суздальском и Владимиро-Суздальском престолах — с другой стороны, со всей наглядностью демонстрируют, как уже сложившийся русский национальный характер искал способ заявить о своей самостоятельности и своей духовной независимости.

В конечном итоге, это была проба эгонистического, личного начала с национально-общественной, соборной, равно необходимой всему народу, потребностью. Одно шло навстречу другому, но шло с мучительной болезненностью и упрямой неуступчивостью. Деяния князей, хотя и вызывались их личными стремлениями, в значительной мере корректировались волей всего народа, и, конечно, не могли не подчиняться этой коррективе без риска потерпеть свое полное поражение. Выигрывал обычно тот, кто более четко осознавал соответствие своих личных взглядов и стремлений с моральными требованиями народной стихии. Единственным же средством уравнивания личных побуждений с общенародной приемлемостью оказалось русское Православие.

Каждый князь был тоже русским человеком и каждому из них было не чуждым исконно русское, национальное начало. Но зачастую это начало оказывалось в тягостном плену животных вожделений и мелочных страстей, и тогда каждый, кто не мог устоять перед животным в себе, помимо собственной воли вступал в тра-

тический конфликт со своей же человеческой природой. Если же удавалось все животное в себе подчинить национальному духу, вся жизнь наполнялась высоким смыслом и глубоким, разумным содержанием. В этом и состояло величие личности каждого из князей.

И преподобный Андрей Боголюбский, и Всеволод Большое гнездо более остро, нежели все их предшественники, ощутили не только свое родство, но и свою национальную неразрывность с народом. Этим-то и определилось их историческое величие. Они были доброжелателями этого начал, корни которых уходили в недостижимые глубины русского духа, русского национального характера.

Суздаль уже при князе Андрее Боголюбском начал превращаться в кузницу и хранительницу русского национального духа. Ведь в его основе, как уже отмечалось ранее, лежало все-таки Православие, как его нравственное начало. Суздалью надлежало стать духовным центром.

Монастыри и храмы, сооружавшиеся здесь, были необходимы городскому населению и одновременно предназначались для русского религиозного паломничества, начавшегося уже в период княжения Андрея Боголюбского. Первыми паломниками были монахи и старцы, завсегдатая святых обителей. Но слава Суздаля росла и можно было предполагать и более обширное паломничество. Впоследствии такое предположение нашло свое историческое оправдание.

Князь Всеволод Большое Гнездо ни в чем не изменил назначение города Суздаля. Даже больше того, — он значительно усилил княжеское внимание к нуждам суздальских монастырей и оказывал им всяческую помощь. Монастыри богатели, увеличивали свои пределы и укреплялись, превращаясь не только в могучие горнила высокой духовности, но и в неприступные бастионы, поскольку опасность нападения с Востока все еще не исчезла совсем, но в последние годы княжения Всеволода Большое Гнездо даже начала усиливаться. Близилась тяжестная пора — татаро-монгольского нашествия.

Недальновидные наследники князя Всеволода Большое Гнездо не продолжили мудрую политическую линию своего отца, а тем более — дяди своего, князя Андрея Боголюбского. Не поняли они, что объединение земель под одним скипетром необходимо не для славы отдельного властителя, а для мощи всего государства. Неумная страсть к господству сеяла ничем не оправданную вражду между ними, и снова на Руси зачадил зловонные очаги междоусобных войн, раздирая на части единое государство и заметно ослабляя его могущество.

А тем временем в далеких заволжских степях все ощутимее

зрела новая беда. В конце тридцатых годов XIII века на благодатные земли Руси вторглись многочисленные полчища золотоордынского хана Батыея. Народ решительно поднялся на защиту родной земли да слишком ослабленной княжескими распрями оказалась к тому времени многострадальная Русь. Не оказалось в ней единого направления и единой воли, способной противопоставить себя могучему народу неожиданных завоевателей.

Когда конница Батыея зимой 1237 г. беспрепятственно переправилась через Волгу и подошла к Рязани, рязанский князь обратился за помощью к своим соседям, в том числе — к наследнику Владимирского престола князю Юрию, младшему сыну Всеволода Большое гнездо. Но никто не отозвался на клич рязанцев. Каждый самонадеянно верил, что на своей земле, собственными силами справится с бедой. В том и проявила себя вопиющая политическая близорукость неумных наследников некогда сильного и мудрого правителя Северо-Восточной Руси.

Весною 1238 г. монгольская конница ворвалась в Суздаль. То было страшное торжество разнузданной жестокости над чопорным тупоумием самонадеянных владык. Захватчики подожгли Кремль, почти полностью разрушили гордость города — Богородице-Рождественский собор. Потонули в клубах смоляного дыма городские кварталы. Беспощадное пламя охватило жилые строения и бревенчатые храмы. Стон, вопли, душераздерающие крики матерей и деворы, тщетная мольба о пощаде, звон мечей, топот кованных копыт и лошадиное ржание все смешалось в чудовищном кошмаре чинимой расправы и жадного грабежа.

Город был полностью выжжен, а население частично истреблено, а частично угнано в плен. Спасти удалось лишь немногим, лишь тем, кто успел укрыться за бревенчатым частokoлом крепостных стен Ризоположенского женского монастыря.

Только после этого князь Юрий Всеволодович отправился на Север собирать войско. Но было поздно. За Суздадем пал и Владимир. Монголы догнали князя у реки Сити разбили его дружину. Бесславно погиб и сам Юрий.

Так для Суздаля, да и для всей Руси, наступил мучительно-долгий период зависимогo существования — почти два века нетерпимо-унизительного и оскорбительно-бесправного монголо-татарского ига. Весь юг Руси был захвачен и покорен. Киев почти полностью разгромлен и разграблен, а утратившие всякую самостоятельность соседние с ним княжества изнывали под непомерным бременем налагаемой ханскими баскаками повсеместной дани. В безымянной песне тех далеких лет пелось:

У кого денег нет, у того дитя возьмет,
У кого дитя нет, у того жену возьмет,
У кого жены нет, того самого возьмет.

Невольников гнали в орду толпами. Опустели русские села, стали зарастать сорняками и поля. Кажется — и самое солнце померкло над Русью.

Но как не черны были тучи, навалившейся на русскую землю напасти, народ ее остался верен своему национальному характеру, упрямому и неподатливому на принуждение. Тяжкое бремя монголо-татарского ига не сломило его волю к свободе и независимости, и потому он не смирился с горестной судьбой. Такова уж природа русских людей — их можно даже завоевать, но сделать покорными рабами никак не возможно.

Особенно стойкими оказались люди Владимиро-Суздальской и Новгородской земли. Это они оказались наиболее ревностными хранителями вековой русской культуры, ремесленного мастерства и прекрасных традиций национального искусства. И особую роль в этом отношении сыграли местные монастыри. К ним-то и перешло все летописание и литературное творчество. Они стали первыми собирателями и хранителями библиотек, а также — обширного устного и письменного фольклора. Они же оказались и организаторами восстановительных работ в городах.

Всего за полтора десятка лет город Суздаль был почти полностью восстановлен. Был основательно отстроен и укреплен Ризоположенский и наново воссоздан Косьмо-Демьяновский монастыри. В 1240 г. князь Александр Ярославович, впоследствии прозванный Невским за победу над шведами, основан даже новый, Свято-Александровский монастырь, получивший при нем название Большой Лавры. Было наново построено несколько деревянных храмов и полностью восстановлен Богородице-Рождественский собор Кремля. И все это — в условиях полнейшей зависимости, полнейшего бесправия!

Возникает вполне естественный вопрос: что же в тех противостественных условиях могло обусловить эту поразительную возможность? Что помогло русским людям так упорно преодолевать казалось бы непреодолимую противоречивость своего бытия?

Полагаю, что двух ответов быть не может — конечно же их национальное самосознание, их национальная гордость. Но ведь и то, и другое должно было иметь какие-то свои, питающие его источники. Что-то должно было будить это самосознание и воспитывать эту гордость.

Слишком сложными и потому даже не совсем понятными для нашего времени были особенности жизни русских людей в условиях монголо-татарского ига. Нынешним людям, с их сегодняшним опытом общественного бытия, многое представляется совсем не так, как оно понималось непосредственными свидетелями той страшной эпохи. И особенно сложной для нынешнего понимания

оказывается истинная роль Православной Церкви в тот мучительно-противоречивый период русской истории.

В современной научно-популярной и учебной литературе стало уже давно традиционным представлением о Церкви, как о чем-то заведомо вредном и даже враждебном истинным интересам народа. Вся роль Церкви в период феодальных отношений понимается только как благословение с ее стороны княжеской власти и как освящение ею эксплуатации масс. Церковь — это проповедница вечного смирения даже перед жестокостью иноземных захватчиков. Причем, все это иллюстрируется рядом конкретных фактов сомнительно-правильной деятельности некоторых священнослужителей в период монголо-татарского ига.

Даже при всей неоспоримости приводимых фактов, следует однако заметить, что подобное понимание роли церкви явно предвзятое и по тому не соответствует исторической правде и истинному положению вещей.

Прежде всего, Церковь — это не только священнослужители, но весь сонм рядовых верующих, составляющих церковную паству. Поэтому подлинное содержание религиозно-церковной жизни состоит не только в деятельности одного духовенства. Тем более о содержании церковной жизни нельзя судить по поступкам отдельных представителей духовенства, поскольку и священники и архиереи бывали всегда разными и далеко не все из них, разумеется, отличались высокой честностью, правдивостью и исполнимостью заповедей Господних. Но дает ли это право все духовенство обвинять во всех земных грехах?

Роль Православной Церкви в условиях монголо-татарского ига была огромной и весьма полезной. В сложнейших условиях постоянного контроля и постоянной угрозы самой беспощадной расправы, она не только поддерживала духовные силы народа, но и оберегала вековые традиции его национального единства. Она являлась в то время едва ли не единственным организующим началом как восстановительных, так и всех созидательных работ в разрушенных городах.

Конечно, духовенство в тех условиях не могло не идти на некоторые компромиссы, чтобы не возбуждать излишней подозрительности и гнева завоевателей. Но следует помнить, что русский человек никогда ничего не делал без благословения священнослужителя или Архиерея.

А меж тем угроза русской самобытности исходила не только от монголо-татарских ханов. Предельно ослабленная золотоордынским игом и даже в этих условиях непрекращающимися усобными распрями удельных князей Русь все больше привлекала внимание немецких захватчиков, уже завоевавших к тому времени почти всю прибалтику, а также — внимание шведских феодалов. В этих

условиях мобильность народа была особенно важна. И обеспечить ее могло только то, что оставалось общим и единым для всех, то есть — Православная вера. Только Церковь могла помочь боевому сплочению народных масс и только она могла благословить их на ратный подвиг.

В 1240 г. многочисленная шведская армия под командованием своего правителя Биргера Ярля высадилась на берегу Невы. Захватчики предвкушали скорую и легкую победу, надеясь положить ею начало завоевания всей Северо-Западной Руси и Карелии. Новая туча напасти нависла над русской землей.

В Новгороде, у Софийского собора, собралось русское воинство для благословения Церкви на праведную сечу. Двадцатилетний князь Александр Ярославич окидывал оценивающим взглядом боевые дружины — маловато, конечно, да ведь враг не станет ожидать, пока соберется больше. Успокаивала только надежда на стойкость русских людей да на собственную сноровку. Но страстная молитва, да взволнованная проповедь Новгородского святителя зажгла сердца горожан и к воинству тут же примкнуло великое множество «черного народа», то есть — рабочих людей из ближних посадов и слобод, ремесленников да купчишек. Ряды дружин почти удвоились. Взойдя на паперть, князь поцеловал крест и склонил обнаженную голову для благословения. Осеняя святым крестом светлые кудри благоверного князя Александра, епископ промолвил: «С Богом!» и войско, запестрив знаменами и хоругвями, двинулось в путь.

Хорошо обученные и отмуштрованные шведы во много раз превосходили численно русских ратников и все же им не удалось устоять перед внезапным натиском и непостижимой удалью русских людей.

За эту сечу князь Александр и получил свое прозвище Невский. А возвратясь с поля брани, увековечил победу основанием Большой Лавры в Суздале, впоследствии называвшегося Свято-Александровской Лаврой.

Великая была слава Невской победы. Непорадовались ей только новгородские бояре, убоявшись возрастающего авторитета молодого князя. Их тайные козни были настолько нетерпимы, что зимою того же года князь Александр был вынужден покинуть Новгород.

А меж тем разгром шведских войск разжег недовольство крестоносцев Тевтонского ордена, господствовавших в Прибалтике, и Ливонских рыцарей. Осенью 1240 г. крестоносцы захватили Изборск и, разгромив псковское ополчение, черной тучей двинулись на восток.

Зная жестокость крестоносцев, псковское боярство растерялось и, изменив своему национальному достоинству, стало на путь пря-

мого предательства. Боярский посадник Твердило Иванович помог чужеземцам захватить Псков. Тогда-то и прибыла к Невскому делегация от Новгородского вече — помоги отстоять русскую землю! И как знать, если бы в сознании князя национальное достоинство не преобладало бы над мелочным чувством оскорбленного честолюбия, возможно он и не отозвался бы на клич новгородцев, как некогда не отозвался Юрий Всеволодович на призыв рязанцев. Однако для Александра Невского интересы Родины стояли выше личных обид. Он отправился в Новгород, быстро собрал сильное войско и, наголову разгромив захватчиков, выгнал их за пределы русской земли.

То было первым столкновением русского Православия со средневековым католицизмом в лице его худшего представительства — жестоких и беспощадных крестоносцев. И не символично ли, что победу одержало Православие, никому не угрожавшее, а только отстаивавшее национальную независимость своей паствы.

Не раз еще Александру Невскому приходилось отстаивать честь родного отечества. Но самой выдающейся его победой была победа опять-таки над крестоносцами — над рыцарями Тевтонского ордена. То было знаменитое Ледовое побоище на Чудском озере в начале апреля 1242 г. Эта победа навсегда остановила начатое крестоносцами захватническое продвижение на Восток. Православная Церковь высоко оценила гражданские заслуги князя Александра Невского, объявив его после смерти в 1263 г. благословенным защитником людей и причислив его к лику святых. Имя его и поныне составляет национальную гордость нашего народа и великую славу русского оружия.

Но если бы к оценке заслуг подходили бы с теми же мерками, с какими принято подходить к оценке роли Русской Православной Церкви в жизни России, то князя Александра Невского пришлось бы назвать только крупнейшим феодалом и эксплуататором крестьянских масс. Ведь именно он подавлял восстание новгородских холопов в 1256 г.

Любуясь архитектурными памятниками русской старины, далеко не все посетители Суздаля задумываются над тем, что в каждом из них прежде всего зримо запечатлена одна из страниц живой истории нашего отечества. Каждый памятник доносит до нас осязаемое дыхание давно минувших веков, оживляя в сознании трудную, полную поразительных противоречий, а подчас и подлинного трагизма, жизнь наших далеких предков. И все это нужно знать и понимать, чтобы и в поступках своих современников угадывать приметы то ли доброго, то ли дурного, генетически унаследованного из дремучих глубин нашей национальной истории.

К сожалению, нет никакой возможности рассказать о каждом монастыре и о каждом храме все, что о них можно было бы рас-

сказать, останавливая внимание на мельчайших нюансах общественной жизни давно минувших веков предопределивших в конечном итоге и самое появление каждого из них на свет Божий. А меж тем, ведь именно из этих нюансов и складывалась полная трагического драматизма история нашего народа и нашей страны. А каждое событие вызывало к жизни тот или иной архитектурный памятник, то ли для удовлетворения какой-то военной или религиозно-бытовой необходимости, то ли для увековечивания памяти о самом событии.

Красота каждого архитектурного памятника в Суздале — отнюдь не в его внешней конфигурации, не в композиции его фасадов, и даже не в сочетании отдельных элементов, составляющих рисунок каждой стены. Все это необходимо, но необходимо не для досужего украшения а для создания какой-то особой гармонии, какой-то символики, подсказанной в каждом отдельном случае зодчему его внутренним художественным чутьем. Ведь гармония составляющих элементов у каждого сооружения имеет совсем иное, сугубо индивидуальное звучание. В чем же его суть?

Постояйте подольше у каждого храма. Попробуйте не рассматривать его части, а наблюдать за ним в целом, не выделяя отдельных элементов, и вы несомненно ощутите, что каждый храм создает в вашей душе какое-то особое настроение. Один, струясь шатровыми куполами к небу, как бы уносит вас в мир облегчающего душу благоговения, другой приветливой величавостью своих форм, замыкающихся сверху плавным очертанием легких маковок, ласковой гурьбой окружающих центральный купол, рождает чувство радостной устремленности и какой-то светлой надежде, третий задумчивым спокойствием своей непритязательной внешности, напротив, рождает в душе, шемящее чувство какой-то утраты, неосознаною горечью безвозвратности, а еще один просто ласкает сердце манящей красотой и акварельно-прозрачной нежностью по-девичьи чистого облика. И у каждого храма — новое чувство, новое, неповторимое в своей индивидуальности построение и соответственно — иное состояние сознания.

Возникающие в вашей душе настроения и есть то, чем жил зодчий, создавая своим воображением внешний облик каждого храма. И именно в этой непостижимой способности передавать через формы и объемы то или иное настроение и состоит творческий гений зодчего и красота самого храма. Фактически изумляет не самый рисунок, а загадочная игра света и теней, достигаемая определенным расположением используемых элементов или деталей и создающая необходимую иллюзию пространственности, короткой или дальней перспективы, умиротворенного покоя или нервной взволнованности, глухой замкнутости, или, напротив, широчайшей открытости каждой поверхности, каждой стены. Все лишнее

мешало бы единству задуманного впечатления, а недостающее обедняло бы его. В каждом отдельном случае нужна строго определенная уравновешенность используемых элементов и именно эта особым образом созданная уравновешенность и действует на сознание как реальное проявление красоты.

Конечно, путь к подобному умению и к подобной способности далеко не прост. Суздальские зодчие шли к ним упорно и долго, совершенствуя свое мастерство жертвенным преодолением несказанного трагизма всех сопутствующих событий своего нелегкого и во многом противоречивого бытия. Вот почему совершенно невозможно понять изначальный смысл авторского замысла каждого памятника, не вспомнив и до конца не поняв тех исторических событий, на фоне которых эти памятники создавались.

При этом следует учитывать, что каждый авторский замысел никогда не ограничивался осознанием только непосредственного социально-исторического запроса. Он впитывал в себя высоко концентрированный сгусток всего многовекового опыта, выделяя из него в каждом отдельном случае все то лучшее, что было в свое время найдено и осмысленно всеми предшественниками.

До наших дней, к сожалению, не дожили самые древние суздальские строения. Ведь современный нам Суздаль складывался в основном в течение XVII века. И все же во всех памятниках этого периода легко прослеживаются древние традиции Владимиро-Суздальской архитектурной школы. И прослеживаются, конечно, не только потому, что мастерство русских градостроителей донесло до нас живое дыхание положительно всей истории нашего государства.

Почему, однако, именно XVII век стал периодом наивысшего расцвета суздальского строительного мастерства? Видимо для того были также какие-то свои исторические предпосылки? Да, конечно!

В двадцатых годах XIV века на политической арене русского государства появилась еще одна весьма одиозная фигура. Это был внук Александра Невского, князь Иван Данилович, унаследовавший от своего отца престол московского удельного княжества. Кажется, до него на Руси еще не было столь своеобразной и противоречивой личности. Невероятно жестокий по отношению к подданным — особенно к крестьянству, — хитрый, злобный и невероятно коварный по отношению ко всем своим потенциальным соперникам. Князь Иван Данилович, вместе с тем, отличался подвижной аналитичностью ума, завидной энергичностью во всех своих начинаниях и, главное, — непостижимым упорством в достижении личных целей. Не гнушался для этого никакими средствами и потому очень скоро накопил несметное богатство на собирании

податей для золотой Орды, за что и был прозван в народе Калитой, что означало — денежный мешок.

Конечный смысл своей деятельности Иван Калита сводил к безграничному самообогащению, ибо только в нем видел реальный залог неколебимости своего господства. Поэтому он всеми способами увеличивал пределы своего княжества, и завоевывая, и просто захватывая, и даже покупая земли вокруг него. Нет никаких оснований полагать, что в столь энергичном и значительном расширении своих владений сам Калита предполагал что-нибудь иное, кроме личного могущества. Об этом свидетельствует и его призывание на великое княжение, находившееся в то время в руках пермского князя Александра Михайловича.

Используя как повод восстание пермских горожан против татарских баскалов, Калита привел туда для расправы огромное войско хана Узбека. Расправа была жестокой. Много пермского люду сложило головы под мечами ненавистных татар. Был убит и князь Александр Михайлович. А Иван Калита в награду за верность Золотой Орде получил звание Великого князя Владимирского.

Его расчеты, однако, оправдались не полностью. Присоединить Пермское княжество к своим владениям ему не удалось. Золотоордынские ханы поделили земли Поволжья между Калитой и князем Александром Васильевичем Суздальским. То есть, образовали кроме Владимирского княжества еще и Суздальско-Нижегородское. Но и Владимирские земли очень ощутимо расширили владения ненасытного Калиты.

Став Великим князем Владимирским, Калита, однако, не оставил свою Москву, ясно понимая более удобное ее положение. Рязанское и Нижегородское княжества надежно защищали ее от вражеских набегов с юга, а сама Москва находилась на перекрестке самых важных торговых путей, соединяя западный край с торговым Поволжьем, Азовским и Черным морями и Крымом. Купцы, приезжающие через Москву платили высокие пошлины в государственную казну. Поэтому Иван Калита в 1328 г. переносит столицу своего княжества из Владимира в Москву.

Вряд ли средства, которыми пользовался этот человек в достижении своих целей, могут найти хотя бы какое-нибудь моральное оправдание. Но объективно его деятельность все же означала объединение русских земель вокруг единого административного и политического центра, что в условиях монголо-татарского ига имело огромное историческое значение, потому что такое объединение открывало потенциальные возможности для осуществления заветной мечты русского народа — полного освобождения от униительно-тягостного бремени этого ига.

Весьма показательно, однако, что осуществить эту цель пред-

стояло отнюдь не Калите и даже — не его сыну, который во многом продолжил политическую линию отца; а его внуку, князю Дмитрию Донскому, который не в пример своему отцу и деду стал проводить политику не личного обогащения, а сознательного усиления государственного могущества Руси для открытой борьбы против монголо-татарских ханов. Он первый из русских князей смело прекратил выплачивать Золотой Орде обязательную дань и возглавил борьбу народа против татар, завершившуюся, как известно, полным разгромом их полчищ на Куликовском поле в 1380 г.

Почему же именно Дмитрий Донской, а не его отец и тем более — его дед так решительно выступил против поработителей русского народа? Ведь и при Иване Калите, и при его сыне Иване Красном мощь русского государства была не чуть не слабее, нежели при Дмитрии Донском. Почему же именно в нем чувство национальной гордости возобладало над тщеславным сознанием личного могущества?

Много станет более понятным, если обратиться к его же биографии. Дмитрий Иванович Донской родился в 1350 г., то есть десять лет спустя после смерти своего деда, а княжеский престол унаследовал от отца в девятилетнем возрасте. И, хотя в силу его малолетства, на великое княжение было несколько претендентов, митрополит Московский Алексей, духовный авторитет которого был очень высок, не дал своего благословения никому, отстаивая наследственное право именно князя Дмитрия. Видимо, деловые и моральные качества каждого из претендентов не внушали ему доверия и не соответствовали надеждам народа.

Во избежание каких-либо козней, митрополит Алексей сам возглавил правительство и нес это бремя до самого совершеннолетия своего духовного питомца, занимаясь нравственным и политическим воспитанием будущего освободителя Руси от татарского ига и, конечно, создал необходимую основу всей его последующей политики.

Действия митрополита Алексея руководили отнюдь не корыстные цели, а только глубоко патриотическая забота о национальной судьбе русского государства. Когда возраст князя Дмитрия достиг 14 лет, митрополит Алексей стал активно приобщать его к государственно-политической деятельности, а через два года полностью передал ему бразды правления, оставаясь при нем только опытным и добрым советником.

В 1367 г., достигнув семнадцатилетнего возраста, князь Дмитрий повелел построить в Москве первый в Северо-Восточной Руси каменный Кремль, доживший со множеством переделок до наших дней.

Фактов бескорыстного служения духовенства Русской Право-

славной Церкви общенациональным интересам своего отечества история Руси знает немало. Влияние церкви на господствующих князей было очень велико, хотя, конечно, и не всегда равнозначно. К сожалению, не все властелины с одинаковым вниманием и почитанием относились к ее советам и наставлениям. Но никто из них не осмелился бы совсем не считаться с мнением духовенства, потому, что авторитет Русской Православной Церкви на Руси был слишком высок, и правители отлично понимали это.

Народ верил своей Церкви и видел в ней высшего судью и защитника истинной справедливости, хотя, конечно, понимал, что и в среде духовенства могут встречаться люди, подобные Ивану Калите. Однако не они же составляли истинную сущность всей сложной и важной деятельности православного клира! Проявляя одно из основных свойств своего национального характера, русский народ, очень четко отличал божеское от обще-житейского, религиозно-нравственную деятельность духовенства от их чисто человеческих слабостей у отдельных, чаще всего приходских священнослужителей. Слабости осуждались и даже высмеивались, а Божьей Благодати, витавшей над головами всех церковных пастырей, русские люди всегда поклонялись. Поэтому авторитет высшего духовенства часто распространялся на те города и далеко за пределами, где учреждалась их кафедра.

Именно по этой причине и духовный авторитет города Суздаля несколько не умолялся, а, напротив, постоянно возрастал. В составе Нижегородского княжества этот город также оставался одним из самых значительных культурных и религиозных центров. Кроме того, он не порывал своих традиционных связей с Владимиром, и с Москвой, потому, как православие не знало удельных границ и равно служило духовным запросам своего русского народа. Еще в 1330 г. здесь была основана самостоятельная епископская кафедра. Тогда же началось строительство знаменитых архиерейских палат. Правда, современный нам свой облик они обрели значительно позже.

В 1352 г. на суздальскую кафедру был назначен епископ Иоанн, который до 1340 г. был простым монахом и в сан епископа был возведен за праведную и благочестивую жизнь. При нем в Суздале было построено несколько храмов и монастырей, в том числе крупнейший из них — Спасо-Преображенский, а ныне Спасо-Евфимиевский мужской, Свято-Покровский женский монастыри.

Освобождение Руси от ненавистного монголо-татарского ига как бы вдохнуло новую жизнь в душу русского народа, вселило ему веру в свои силы. На Руси начался быстрый подъем экономики и культуры. Новое развитие получили земледелие, многие ремесла и строительное искусство.

Конечно, Золотая Орда не сразу смирилась со своим поражени-

ем. Уже через два года после Куликовской битвы новый золотоордынский хан Тохтамыш внезапно вторгся в русские земли. Воспользовавшись предательской по отношению к своему народу политикой Нижегородских и Рязанских князей, он сумел захватить даже Москву. Пока князь Дмитрий собирал на свое войско для отражения неожиданного нашествия, татары разгромили и разграбили город. А, уходя, подожгли Кремль. Пожар быстро перекинулся на бревенчатые посады и жилые кварталы и все запылало неумным пламенем.

Однако, эта временная победа татар уже ничего не могла изменить в закономерной поступи истории. Русский народ так мучительно долго и упорно шел к своему освобождению отнюдь не затем, чтобы снова допустить иноземное порабощение. Полчища Тохтамыша были навсегда изгнаны за пределы русских земель.

Народы Руси осознали, какое огромное значение для независимости государства имеет объединения русских земель под единым скипетром государственной власти. А князь Дмитрий Донской так же хорошо понимал, как велика роль в таком объединении Русской Православной Церкви. И ему очень хотелось подчинить митрополию княжеской власти. Единомышленника в этом отношении он встретил в лице Суздальского архиепископа Дионисия.

Следует заметить, что у Дмитрия Донского было особое расположение к Суздалию. Он постоянно поддерживал дружеские отношения с Суздальским Великим князем Дмитрием Константиновичем, дочь которого стала его женою. Видимо, в хоромах своего тестя он встретил архиепископа Дионисия. По просьбе Дмитрия Донского архиепископ Дионисий в 1384 г. был возведен в Константинополе в сан митрополита. Однако, занять кафедру митрополита Московского и всея Руси ему так и не удалось. На обратном пути из Константинополя он был задержан в Киеве недоброжелателями князя и заточен в темницу, где и скончался в 1385 г. Позже митрополит Дионисий был причислен Матерью Церкви к лику святых.

Дмитрий Донской очень тяжело переживал гибель верного единомышленника и больше не предпринимал попыток учредить подвластную себе митрополию. Да и жизнь его клонилась к закату. Умер он через четыре года после гибели Дионисия, то есть в 1389 г.

Старший сын Дмитрия Донского князь Василий Дмитриевич, унаследовав Московский престол, продолжил политическую линию отца, направленную на дальнейшее объединение русских земель. В числе прочих, к Москве было присоединено Нижегородское княжество. И Суздаль снова вошел в состав Московских владений.

Неисповедимы пути истории, грузна и тяжеловесна ее железная поступь, глубоки и неистребимы следы каждого ее шага. Много, очень много было на той земле: и победоносные походы князя Ива-

на III, и его же указник, дарующий злощастному смерду только один день воли в году — Юрьев день. Было радостное венчание на русский престол первого русского царя Иоанна IV, был несказанный кошмар его бессердечной опричнины. Были дальние победоносные походы Ермака Тимофеевича, но была и двадцатипятилетняя тягота Ливонской войны. Была светлая память о ничем не ограниченной вольнице, был и многовековой позор крепостного права...

Тут уж не ханы золотоордынские, не крестоносцы тевтонского ордена, не надменные шведы и не ливонские рыцари — свои же русские люди надели на шею народа невыносимо тяжкий ярем каждодневного бесправия. Надели — тяни, покуда хватит сил.

А Русь-то — она ведь осталась все та же. Те же ее просторы, ласкающие душу бесконечным привольем буйствующих травami степей, да непролазной кипенью всегда живых лесов. Те же чистые реки с веселыми и прозрачными плесами, да тихими, задумчивыми заводями и омутами. То же бревенчатые деревушки с тесовыми кровлями до взметнувшимися в небо и словно плывущими в нем куполами приветливых церквей. И вечный долг перед нею, как перед немеркнувшей памятью давно ушедших на погосты предков — остался все тот же. Разве уйдешь от него? Разве откажешься? Она-то, земля русская, — не только перед нашими глазами. Она в нас самих. Мы насквозь проросли ее сущностью, ее глубочайшим смыслом, ее нескончаемым содержанием. Потому что на ней обрели мы свою жизнь, на ней оставляем свое потомство, в нее и сами уйдем, когда наступит наш смертный час. Поэтому-то так необходимо беречь свою родную землю, что бы не случилось с нами, чтобы не произошло в несправедный час.

Какой же русский человек не чувствует в себе силу и величие национального духа? Какой русский не осознает себя естественным и неотъемлемым продолжением своего отечества? В этом чувстве и в этом осознании и таилась веками вся неистребимость творческого гения нашего народа.

Нелегким оказался его путь к вечной славе. Из века в век недолгое счастье русского человека густо перемежалось горестными лишениями каких-либо новых испытаний, новых бед и напастей.

Особенно трудным оказался XVII в. Труднейшим он был и для Суздаля. Да и могло ли быть иначе — ведь Суздаль был наиболее неотделимой частью Руси и Российского государства.

Начало века ознаменовалось небывалым голодом в России. Три года подряд урожай погибал на корню, оставляя миллионы крестьян без пропитания. Помощи ждать было неоткуда. Люди ели траву и древесную кору. Во множестве русских городов и сел страны были истреблены все кошки и собаки. Народные волнения охватили значительную часть Государства.

(Продолжение следует)

Ваши отзывы и пожелания присылайте по адресу:

601260 Владимирская область г. Суздаль, Торговая пл.
Цареконстантиновский собор, редакция «Суздальского паломника»

РЕДАКТОР — священник Андрей ОСЕТРОВ.

